

Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича

(рассказанные им самим)

Глава сорок третья Маленькие трагедии большой деревни

Как я не спился

Осенью 1956 года Москва еще практически оставалась в границах 1913-го. Хотя и пелось о ней: «Вот она какая, большая, пребогшая», Москва была и в самом деле большая деревня, которую я исходил из конца в конец, и почти вся, кроме самого центра, деревянная. И в Аптекарском переулке все дома были деревянные, одно- или двухэтажные с деревянным отоплением и водоразборными колонками снаружи. Нам предстояло построить здесь первый кирпичный дом.

Поначалу строительство шло как-то странно. Вернее, совсем не шло. Всю осень и половину зимы наша бригада возилась в котловане. То разгружали грузовики с кирпичом, то переносили его с места на место. Разгружая, развлекались тем, что старались перебить кирпич как можно больше. Бросая кирпич с грузовика, целились так, чтобы он упал плашмя на ребро другого кирпича и раскололся. Соревновались друг с другом, кто больше переколочит, и достигли больших успехов. Всем заправлял бригадир Плешаков, а прораб Сидоров появлялся на работе лишь время от времени, всегда пьяный и мрачный. Фундамент заложили частично, до нужной отметки не довели, бросили, но стали завозить кирпичи, двери и оконные рамы со стеклами. Все это лежало под открытым небом, мгло, гнило и коржилось. Через несколько дней в рамках ни одного стекла не осталось: часть стекол разворовали, часть перебили, тоже соревнуясь, кто с какого расстояния попадет в стекло куском кирпича. Теперь такого безобразия на стройках не увидишь. Теперь за каждый кирпич и за каждое стекло кто-нибудь отвечает – разница между частной собственностью и «социалистической».

Вдруг работа на участке прекратилась, и нас перекинули на разборку соседних деревянных домов, из которых жильцы уже выехали. Бревна и доски продавали жителям таких же, пока не сожгли домов на дрова. За машину дров брали 150 рублей тогдашними деньгами. Водка стоила 27 рублей бутылка, то есть с одного самосвала пять бутылок. Раньше работали все-таки трезвые, а тут пьянство пошло с утра до вечера. Загрузили машину, продали, пропили, стали грузить другую. Я тоже выпить был не дурак, но день попил, а потом стало скучно. Кроме того, время, потраченное не на писание стихов, я тогда считал потраченным зря. Поэтому все дни всеобщего пьянства, кроме первого, провел в общегости. Утром приходил в бригаду, отмечался и уходил обратно. Никто меня за это не корил: я не пил – другим доставалось больше.

Наконец, все дома разломали, пропили, вернулись на участок – и опять до самой зимы ничего не делали. Но в конце каждого месяца закрывались наряды, согласно которым производственный план на нашем участке выполнялся на сто и больше процентов. Только с на-

ГЕНАДИЙ НОВОЖИЛОВ

Хорошо одетые, с аккуратными прическами, вежливые и безликие молодые люди из райкома комсомола предложили мне вместе с другими начинающими поэтами и художниками делать сатирическую газету. Возмнив себя Маяковским с его «Окнами РОСТА», я охотно взялся за дело. Мне давали данные о том или ином объекте будущей сатиры и о том, что он сделал нехорошего, а я сочинял соответствующие стишки...

ступлением морозов началось реальное строительство, и к лету 1957 года дом № 13 все-таки был построен.

Мои «Окна РОСТА»

Тем же летом, не помню как, попал я в комитет комсомола Бауманского района. Там хорошо одетые, с аккуратными прическами, вежливые и безликие молодые люди предложили мне вместе с другими начинающими поэтами и художниками делать сатирическую газету под названием «Колючка», «Вилы в бок» или еще что-то в этом роде. Газета эта тиражом в один экземпляр, зато очень большого размера (примерно два метра на полтора), вывешивалась у выхода из «Бауманского» метро и, к моему удивлению, пользовалась определенным успехом. Небольшая толпа всегда задерживалась около нее: читали, улыбались, иногда даже смеялись в голос. Как все советские издания подобного рода, наша газета «жгла огнем сатиры» мелкие недостатки и мелких людей, «мешающих нашему движению вперед». Возмнив себя Маяковским с его «Окнами РОСТА», я охотно взялся за дело. Мне давали данные о том или ином объекте будущей сатиры и о том, что он сделал нехорошего, а я сочинял соответствующие стишки. Например, какая-то женщина по фамилии Выросткова украла что-то на своем производстве, о чем я и сообщил народу в поэтической форме:

Воровала Выросткова,
Но у вора путь рискован.
Суд избавит Выросткову.
От занятия воровского.

Институт с удобствами

На этот стишок обратил внимание один из участников нашей бригады Игорь Дуэль. Он был студентом Московского областного педагогического института имени Крупской, сокращенно МОПИ, кем и мне

советовал стать. С чем я согласился, решив, что уж если не попал в заведение, где учат на писателей, то поступлю хотя бы туда, где учат на учителей – лишь бы в перспективе было высшее образование, о котором моя мама мечтала больше, чем я. В свое время она, как и отец, беспечно относилась к тому, что я не учился, но теперь забеспокоилась.

Я и без Дуэля уже нацеливался на МОПИ, потому что он был в пяти минутах ходьбы от дому, а исторический факультет был предпочтен филологическому, потому что срок обучения на нем был четыре года, а не пять.

Люди, имевшие трудовой стаж или службу в армии, шли вне конкурса, а у меня за плечами было и то, и другое. Тем не менее вступительные экзамены хотя бы на тройки сдать было надо. Мои знания разных предметов по той причине, что из десяти классов средней школы я в пяти не учился, были очень нестандартны. Что-то я знал выше требуемого уровня и даже немножко, но о чем-то, известном каждому пятикласснику, не имел ни малейшего представления. Первый экзамен по истории я сдал на пятерку с ощущением, что знал предмет лучше экзаменатора. Вторую пятерку я получил за сочинение. На немецком сильно плавал и уже думал, что не пройду. Но преподавательница сказала, что больше тройки поставить мне никак не может, чем очень меня утешила: при наличии двух пятерок мне по остальным предметам было достаточно троек.

Принимавший экзамен по русскому устному сравнительно молодой человек, может быть, из аспирантов, быстро обнаружил, что с грамматикой я практически не знаком. Заметив, что я не очень знаю разницу между причастием и деепричастием, он вздохнул и развел руками:

– Вам в пору двойку ставить. Я возразил:

– Но это будет несправедливо. Он спросил:
– Почему?
– Потому что я плохо знаю правила, но пишу грамотно.
Он покачал головой:
– Нет, вы не можете писать грамотно.
Я попытался его уверить, что могу. Он не верил. Я сказал:
– Но я сочинение написал на пятерку.
Он насмешливо сощурил глаза:
– Так-таки на пятерку?
Я предложил проверить. Он пошел, проверил. Вернулся в сомнениях.

– Да, у вас стоит пятерка, но это значит, что вы у кого-то списали. Я продолжал спорить:
– Вы же знаете, что неграмотный человек даже списать правильно не сможет. А кроме того, переправьте пятерку на двойку, если найдете у кого-нибудь такое же сочинение.

Он все еще колебался. Тогда я предложил проверить меня на конкретных примерах.

– Хорошо, – уступил он. – Как вы напишете «тоже» – вместе или отдельно?

Я сказал:
– По-разному.
– То есть?
– Ну, например, «Коля тоже с мамой» – вместе, «Оля то же самое» – отдельно. Надеюсь, вы поверите, что это я ни у кого не списал.

Он поверил и согласился, что раз я пишу грамотно, то хотя бы тройки заслуживаю. А мой тогдашний друг филолог Владимир Лейбсон позднее вписал мой пример с «тоже» и «то же» в методическое пособие по изучению русского языка.

Маша-резвушка и тайный подвал

Самым кошмарным оказался для меня, как ни странно, экзамен по литературе. Его принимали две жен-

щины: пожилая, подслеповатая, в очках с маленькими стеклами, и блондинка лет тридцати, с большой грудью и высокой прической. Мне достался билет о Пушкине. Я довольно бойко изложил его биографию и тем надеялся ограничиться. Но молодая вдруг прицепилась ко мне: «Знаете ли вы, что такое «Маленькие трагедии» Пушкина?» Этим вопросом я был загнан в тупик. То есть «Маленькие трагедии» я как раз знал, как более или менее все остальное у Пушкина. Но «не проходил» в школе, не заглядывал в предисловия и понятия не имел, что у Пушкина к какому жанру относится.

Блондинка от меня не отставала:
– Какие вы знаете маленькие трагедии? Назовите! Хотя бы одну!

Я растерялся, вспотел, у меня все вылетело из головы. Стал лихорадочно соображать, что же может быть «маленькими трагедиями». На ум пришли почему-то «Повести Белкина», однако ни одной из них я, перечитавший их не меньше десяти раз, вспомнить не мог, а только вертелось в голове, что там есть название из двух слов через черточку. Это воспоминание соединилось с примером из грамматики (все-таки что-то из нее я знал), когда в каких случаях употребляется дефис: «Маша-резвушка сидела у окна с книгой».

– «Маша-резвушка», – пролепетал я, сознавая чудовищность своего ответа.

– Маша-резвушка? – переспросила пожилая. – Вы думаете, что у Пушкина есть такая «маленькая трагедия»?

– Какой ужас! – схватилась за голову блондинка.

Тут уже пахло не двойкой, а позорным колом. Но, видно, пожилая почувствовала, что тут что-то не то. – Скажите, – спросила она очень мягко, – а вы что-нибудь слышали о произведении Пушкина «Скупой рыцарь»?

– Слышал, – сказал я, – и даже могу прочесть отрывок.

– Ха-ха, – в голос рассмеялась блондинка.

– Ну, прочтите, – сказала пожилая.

– Пожалуйста.
Я разом пришел в себя:
Как молодой повеса ждет

свиданья

С какой-нибудь развратницей

лукавой

Иль дурой им обманутой, так я

Весь день минуты ждал,

когда сойду

В подвал мой тайный...

– Темный, – сказала блондинка.

– Тайный, – возразил я.

– Ну, хорошо, – сказала пожилая. – А «Моцарта и Сальери» вы тоже читали?

– Конечно, – сказала я и процитировал:

Все говорят: нет правды на земле.

Но правды нет – и выше. Для меня

Так это ясно, как простая гамма...

Блондинка растерянно молчала. Пожилая протирала очки.

– Ничего не понимаю... Значит, вы читали «Маленькие трагедии». Откуда же вы выкопали «Машу-резвушку»?

– Я имел в виду «Барышню-крестьянку», – сказал я.

– Но это же не «Маленькие трагедии».

– Это «Повести Белкина».

– Вот именно.

Все еще недоумевая, она поставила мне четверку – и я стал студентом.

Продолжение следует